

Дефицит доверия – главный ограничитель для российско-китайского квази-союза

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 447
Январь 2017 г.

Павел К. Баев
Институт исследований мира, Осло

Российско-китайское партнерство пробуксовывает и перекашивается, и никакие пропагандистские приукрашивания не могут представить его процветающим. Фундаментом в достраивании этого партнерства до стратегического уровня должны были стать экономические связи, о качественном наращивании которых было торжественно объявлено в середине 2014 года на фоне резкой эскалации украинского кризиса и сползания России в новую конфронтацию с Западом. Вместо запланированного расширения, двусторонняя торговля сократилась на треть в 2015 году и продолжала сокращаться в 2016 году, и руководству обеих стран было непросто объяснить эту тенденцию неблагоприятными внешними факторами, в первую очередь падением цен на нефть. Президент В. Путин подчеркивает, что достигнутый уровень отношений – [«это больше, чем стратегическое партнерство»](#), и говорит [«о всеобъемлющем партнерстве и стратегическом взаимодействии»](#), но доказывать этот тезис приходится только политическими декларациями.

Экономика действительно отказывается следовать руководящим указаниям, но в области политики расхождения между двумя странами возможно даже более принципиальны. Несовместимость фундаментальных установок задается сугубо различными устремлениями и мотивациями политических элит. Общим базисным интересом остается удержание власти, но его практическая реализация задается глубоким различием двух политических культур, которые формируют несхожие представления о внутренних вызовах и предпочтения в методах контроля над меняющимися обществами. Взаимное непонимание этих различий усугубляется болезненной перетряской элит, осуществляемой двумя лидерами со все более решительными, хотя и несхожими намерениями. Естественным результатом оказывается утрата доверия на

высшем уровне и отсутствие какого-либо намека на доверие между двумя руководящими бюрократиями. Это нарастающее недоверие к ожидаемому поведению единственного партнера на международной арене становится центральным моментом в развитии двусторонних отношений.

Слишком очевидная фальшь «искренней дружбы»

Старательно подчеркиваемая дружественность личных отношений между Си Цзиньпином и Владимиром Путиным вряд ли может скрыть тот факт, что кроме возраста у этих двух неохотно стареющих мужчин нет ничего общего. Один из них принадлежит к привилегированной группе «княжичей» ([princelings](#)) и всегда имел поддержку в упорном подъеме по партийной карьерной лестнице; другой – выходец из ленинградских коммуналок, которого случайно привели на вершину власти чужие просчеты. Один – подчеркнуто счастливый семьянин; у другого за плечами – некрасивый поздний развод и неустроенная личная жизнь. Один [столкнулся в ранней молодости](#) с бессмысленной жестокостью «культурной революции»; другой был застан врасплох мирной революцией, которая за неделю сокрушила полицейский социализм ГДР и поставила крест на его тусклой карьере в КГБ. У двух лидеров нет общего языка, и даже встречаться они стали реже: Путин [пропустил](#) несколько азиатских саммитов, а Си Цзиньпин не удостоил посещением экономические форумы в Санкт-Петербурге и Владивостоке, хотя стал главным гостем [Давоса-2017](#).

Опыт «царствования» у обоих настолько различен, что трудно обнаружить какие-либо точки возможного взаимопонимания. Путин провернул комбинацию с возвращением в Кремль осенью 2011 года, столкнувшись с уличными протестами в Москве, а Си Цзиньпин в это время аккуратно принимал власть у президента Ху Цзиньтао, который тщательно подготовил процедуру смены политических поколений. В ближайшем будущем Путин безальтернативно оформит продление своего президентства еще на один срок, а Си Цзиньпину предстоит [непростое решение](#) об утверждении своего преемника на 19 съезде КПК в ноябре 2017 года. Это решение выглядит настолько непроработанным, что многие [эксперты ожидают](#) попытки сломать утвержденный великим Дэн Сяопином порядок ротации руководящих кадров и открыть [перспективу](#) третьего срока для Си Цзиньпина. Россия, однако, служит ярким примером пагубности несменяемого лидерства, которое ведет к нарастающей неэффективности системы госуправления и эскалации клановой междоусобицы.

Оба лидера стремятся к концентрации политической власти, но Путин довел эту монополизацию до предела, а Си Цзиньпин остается в рамках системы коллективного руководства, хотя и получил иронический титул «председатель всего» ([Chairman of Everything](#)) за свое стремление возглавить каждую комиссию по вопросам государственной важности. В России демонтированы все ключевые элементы системы сдержек и противовесов, и ни одна политическая сила не может сплотиться вокруг альтернативного лидера. Культ личности Путина принимает уже гротесковые формы, при том, что прерогативы абсолютной власти едва ли доставляют ему много радости. Си Цзиньпин добился провозглашения себя «ключевым лидером» ([core leader](#)) на октябрьском (2016 года) пленуме ЦК КПК, но его властные полномочия остаются ограниченными. Он должен преодолевать разногласия в далеко не сервильном Постоянном Комитете Политбюро, в котором остается много выдвиженцев Ху Цзиньтао, включая Премьера Госсовета Ли Кэцзяна.

Оба лидера проводят серии перетрясок и чисток на верхних этажах своих бюрократических пирамид, но для Путина – это единственный способ удержания контроля над схватками придворных кланов. Си Цзиньпин решает более сложные задачи в реальной [борьбе за власть](#), в том числе против «шестого поколения» лидеров, выпестованных в [Коммунистической лиге молодежи](#). Китайское руководство имеет прекрасное представление о характере и механизме принятия политических решений в Кремле, тогда как Путин вряд ли представляет себе развитие политических интриг в Пекине, поскольку никто в его ближайшем окружении не имеет сколько-нибудь серьезных знаний о Китае.

За рулем экономики роста – и стагнации

Десть лет назад Россия и Китай развивались рекордными темпами и были лидерами среди новых центров силы (emerging powers). Сейчас руководство двух стран столкнулось с глубокими, но принципиально несхожими экономическими проблемами. Путин оказался в непривычной и невыигрышной роли управляющего рецессией, которая свела российскую экономику до отметки одна восьмая по отношению к китайской. Си Цзиньпин вынужден доказывать, что замедление экономики – это новая норма, но приступы паники на фондовых биржах указывают на нарастание неопределенности, обусловленной свертыванием намеченных реформ. Рассматривая экономический рост и модернизацию как абсолютные приоритеты, китайское руководство воспринимает готовность Путина пожертвовать развитием экономики для реализации геополитических амбиций как крайне рискованное и стратегически проигрышное поведение.

Си Цзиньпин взял на себя больше полномочий и ответственности в руководстве экономикой, чем его предшественники на посту президента/генерального секретаря КПК. Вопреки мнению Ли Кецяня, он настоял на утверждении [программ поддержки](#) расширения сверх-крупных госкорпораций. Путин осуществляет в сущности такую же линию, но российские госкорпорации работают крайне неэффективно. Для китайских реформаторов, которые настаивают на выводе промышленных активов из госсобственности, Россия оказывается прекрасным примером пагубности огосударствления экономики. В частности, китайское министерство энергетики не питает никаких иллюзий относительно издержек деятельности Газпрома, которому Bank of China выделил в прошлом году [кредит](#) в 2 миллиарда долларов. Только этот «подарок» позволил российскому монополисту продолжить работу над реализацией «контракта века», подписанного в мае 2014 года, но сроки ввода в строй газопровода «Сила Сибири» от еще недоосвоенных Ковыктинского и Чаяндинского месторождений сдвигаются в [неопределенное будущее](#).

Опыт взаимодействия с Роснефтью более положительный, и Игорь Сечин известен в Пекине, как давний сторонник ориентации на китайский рынок. С его лоббированием связывают многотрудное завершение строительства нефтепровода ВСТО, который позволил России стать [таким же важным](#) поставщиком нефти для Китая, как Саудовская Аравия. Свертывание инвестиций в разведку и ввод в строй новых месторождений с неизбежностью ведет к [сокращению](#) добычи нефти в России после 2020 года, что снижает доверие Китая к России как надежному поставщику. По всей видимости, именно поэтому Китай не проявил интереса к [фиктивной «приватизации»](#) Роснефти в конце 2016 года. Что касается газа, то интересным сюжетом в середине прошлого года стало [прямое вступление](#) китайской CNPC в проект Ямал-СПГ, что буквально спасло немалые вложения Новатэка, которому было недостаточно даже самой [щедрой поддержки](#) из госбюджета. Такое смелое решение на сотрудничество с частной компанией было продиктовано отнюдь не ростом потребности в СПГ или желанием диверсифицировать поставки. Есть много оснований полагать, что Си Цзиньпин [лично выдал указание](#) поддержать Геннадия Тимченко, который попал в западные санкционные списки ввиду небескорыстного умения захаживать запросто в кремлевские кабинеты.

Борьба против коррупции стала одним из центральных направлений экономической повестки дня обоих лидеров, но содержание этой борьбы имеет очень отличный характер. Си Цзиньпин возглавил беспрецедентную по интенсивности и масштабу кампанию по выявлению «тигров и мух» ([catching tigers and flies](#)). Нацелена она главным образом на устранение высокопоставленных оппонентов («тигров»), большинство среди которых – ставленники Ху

Цзиньтао, так что около 200 (в том числе, [120 – в 2016 году](#)) из них уже оказалось за решеткой. Для Путина манипулирование процессами расследования скандальных случаев коррупции – это главный способ контроля за борьбой придворных кланов, но в тюрьму отправляются в основном «мухи». Разоблачения даже незначительных злоупотреблений властью воспринимаются в Китае очень серьезно, и когда Путин отправляет в Пекин с рабочими предложениями таких эмиссаров как Игорь Шувалов или Аркадий Дворкович, за которыми тянется густой шлейф коррупционных скандалов (не говоря уже про Тимченко, который с 2014 года возглавляет российско-китайский деловой совет), это явно не способствует продвижению этих предложений и установлению доверия на уровне министров и вице-премьеров.

Силовики не умеют наводить мосты

Разный характер кампаний по борьбе с коррупцией отражает глубокие различия в роли силовых структур внутренней безопасности в России и Китае. В принципе, два авторитарных режима преследуют схожие цели в контроле над протестными настроениями и выступлениями и подавлении инакомыслия. Тем не менее, политический вес министерств и ведомств, отвечающих за реализацию этих целей, далеко не одинаков; два лидера позиционируют себя по разному в отношении этих структур и используют несхожие методы контроля над ними.

Главным инструментом в ожесточенной борьбе с коррупцией, которую развернул Си Цзиньпин, выступает Центральная комиссия по проверке дисциплины, которая является органом ЦК КПК. Ее возглавляет (с ноября 2012 года) верный [союзник](#) генерального секретаря Ван Цишань, которому по всей видимости придется [оставить свой пост](#) в конце этого года по возрасту (он родился в 1948 году). В России крупные коррупционные дела ведутся Следственным Комитетом, однако его роль целенаправленно подрывается различными подразделениями Федеральной Службы Безопасности (ФСБ), которые летом 2016 года провели [серию спецопераций](#), нацеленных лично на Александра Бастрыкина. Путин пытается играть роль арбитра в борьбе кланов «силовиков»; в этом плане показательно, что он [оставил](#) Бастрыкина во главе Следственного Комитета с тем, чтобы не допустить чрезмерного усиления председателя ФСБ Александра Бортникова. По мере сокращения финансовых потоков, ожесточенность борьбы кланов за контроль над ними нарастает, и роль арбитра становится все менее результативной.

Вопрос о контроле над структурами, обеспечивающими внутреннюю безопасность, напрямую связан с вопросом об изменениях в ближайшем окружении двух лидеров. Состав и

предпочтения свиты помощников и советников сильно влияют на развитие контактов на высшем уровне, и в первую очередь – на укрепление или подрыв доверия. Различия в политическом облике обитателей московских и пекинских коридоров власти настолько разительны, что доверию просто неоткуда возникнуть. Си Цзиньпин полагается главным образом на старых друзей и однокашников, как например [Лю Хэ](#), его доверенный экономический советник; он также активно продвигает [фракцию](#) выходцев из провинции Чжецзян, где он работал в 2002-2007 годах. Путин наоборот избавляется от «верных соратников» вроде Владимира Якунина, Евгения Мурова или Андрея Бельянинова, и продвигает [новое поколение](#) «силовиков», рассчитывая на их полную лояльность и служебное рвение. Он без сомнений назначает оперативников ФСБ и своих охранников губернаторами областей (хотя в Калининграде Евгений Зиничев [не просидел](#) и трех месяцев), что совершенно невозможно в китайской системе ротации руководящих кадров.

Доминирование выходцев из ФСБ в ближайшем окружении Путина негативно сказывается на политическом контроле над армией, особенно при том, что в офицерском корпусе сохраняются крайне негативные представления о реформах, проведенных в 2008-2011 годах путинским протеже Анатолием Сердюковым. Путин в значительной степени вынужден делегировать основные полномочия в руководстве Вооружёнными силами министру обороны Сергею Шойгу, который завоевал авторитет в военном командовании, но не принадлежит к перетасованной путинской «команде» и опирается на собственную базу политической поддержки. В отличие от Путина, Си Цзиньпин взял на себя личную ответственность за проведение [военной реформы](#), которая встречает немалое [сопротивление](#) в армии, хотя и поддерживается большинством генералитета. Немало высокопоставленных офицеров оказалось за решеткой после расследований коррупционных преступлений, и в преддверие 19 съезда КПК ожидается [новая волна чисток](#), которая откроет дорогу таким выдвиженцам Си Цзиньпина как Жонг Шаоюн.

Изобразить «доверие» легко и полезно

Вывод об отсутствии доверия, маскируемом официальными заверениями в его неизменном укреплении, подкрепляется не столько попытками проникнуть в накрепко закрытый «внутренний мир» двух лидеров, сколько вполне тривиальным анализом различий в их жизненном опыте, характере политического лидерства и сущности стоящих перед ними вызовов. Путин ликвидировал все политические альтернативы и стал единственным гарантом легитимности российского государства. Си Цзиньпин вынужден договариваться с

оппозиционными политическими фракциями, которые имеют свое мнение в ключевом и неотвратимом вопросе о преемнике. Ближайшее окружение двух лидеров практически не имеет общих интересов: китайские провинциальные кланы, особенно южные, индифферентны к отношениям с Россией, а путинские «силовики» и спец-службисты гораздо лучше умеют плести и разоблачать интриги, чем выстраивать доверительные отношения с зарубежными партнерами. Борьба с коррупцией имеет принципиально различное содержание в Китае и России: Си Цзиньпин развернул эту кампанию для усмирения политических оппонентов, а Путин имитирует борьбу с корыстным обогащением, которое составляет смысл существования его режима, добиваясь лояльности враждующих кланов.

Важнее всего то, что Путин не имеет осмысленного представления о том, как работает уникальная китайская комбинация устойчивого экономического роста и обновляемой политической стабильности – и не может ее воспроизвести. Си Цзиньпин понимает эффективность механизма «патриотической» мобилизации, но для него остается непостижимым решение Путина запустить этот механизм и пожертвовать экономическим ростом для реализации геополитических амбиций. Китайские политики [внимательно анализировали](#) уроки крушения и распада СССР; они не склонны возлагать всю вину на просчеты Михаила Горбачева, который столкнулся с эскалацией [системного кризиса](#). Есть много оснований считать, что Путин спровоцировал развитие подобного кризиса, развитие которого угрожает выйти из-под контроля. В отличие от Горбачева, он не может признать поражение и уступить власть. Это не означает, что он добьется победы или сможет взять развитие кризиса под контроль, но закрывает мирный выход из этого кризиса. Такая абсолютная необходимость удерживать власть отнюдь не делает Путина предсказуемым и надежным партнером для китайского руководства.